

А.Р. Лурия: жизненный путь

Т.В. Ахутина

доктор психологических наук, профессор, заведующая лабораторией нейропсихологии факультета психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова и лабораторией трудностей обучения и синдрома дефицита внимания и гиперактивности Московского городского психолого-педагогического университета

В краткой биографии А.Р. Лурии описываются основные этапы его жизненного пути и творчества. Биография подготовлена на основе известной автобиографической книги А.Р. Лурии «Этапы пройденного пути» и его воспоминаний, опубликованных в 2003 г.; книги дочери ученого Е.А. Лурии «Мой отец»; книги Е.Д. Хомской о научной биографии А.Р. Лурии; ранее не публиковавшихся материалов из архива А.Р. Лурии; современных исследований творчества Л.С. Выготского и А.Р. Лурии, а также воспоминаний Дж. Брунера, О.С. Виноградовой, Л.И. Московичюте и автора биографии — Т.В. Ахутиной-Рябовой, ученицы А.Р. Лурии.

Ключевые слова: А.Р. Лурия, Л.С. Выготский, культурно-историческая психология, нейропсихология, биография.

Впервые я увидела А.Р. Лурию в Институте нейрохирургии им. Н.Н. Бурденко в сентябре 1962 г. на его разборе больного. Помню, как волновалась будущий известный нейропсихолог Э.Г. Симерницкая, которая должна была на нем представлять больного. Ей нужно было четко изложить анамнез, результаты клинических исследований больного, данные предварительного нейропсихологического обследования и сформулировать нужные уточнения в нейропсихологическом диагнозе. Это был ее дебют, она только что закончила психологический факультет и впервые представляла больного. Совсем не помню больного, но хорошо помню ощущение восторга от увиденного. Александр Романович переформулировал сказанное Э.Г. Симерницкой и отчетливо показал в серии проб, что действительно может и не может больной. Все было так наглядно и так логично! Этот день определил мою дальнейшую научную судьбу. Я была молоденькой студенткой-логопедом, но такое же впечатление работа А.Р. Лурии с больным производила на маститых ученых.

«Я помню мой первый визит к Лурии в Институте Бурденко, где он должен был исследовать нескольких больных с поражениями мозга. Он пригласил меня с собой. Я ожидал обычную рутинную процедуру. Я никогда не забуду его стиль общения с больными! Он, конечно, использовал “стандартные” Лурьевские методы, так хорошо описанные в главах этой книги. Но для меня было чудом, как много он мог обнаружить у этих больных и сколько он давал им... Это было как будто в своем обследовании боль-

ных он делал слышимой симфоническое взаимодействие, которое составляет корковое функционирование». — Джером Брунер [28].

А.Р. Лурия прожил яркую насыщенную жизнь. Его труды связаны с экспериментальным подтверждением идей культурно-исторической психологии: исследование влияния культурных различий на интеллектуальную деятельность (поездки в Среднюю Азию [18]), изучение роли среды и наследственности через сравнение умственного развития близнецов [22; 23], исследование механизмов интериоризации с помощью анализа формирования речевой регуляции действия у детей [14], обобщение теоретического и экспериментального материала при разработке курса общей психологии [21]. Как и Выготский, Лурия не мыслил культурно-историческую психологию отдельно от естественно-научного фундамента, его усилия, направленные на разработку научного понимания этого синтеза, привели к созданию нейропсихологии [13; 15; 17 и другие статьи и книги].

Он с юности был многосторонне одаренным, очень деятельным человеком. Быстро ходил, ел, разговаривал, много и быстро читал и писал. Писал с большой легкостью. Так, придя на первую после отпуски лекцию в сентябре, он сказал студентам: «О, я так хорошо отдохнул летом, книжку написал» (имелось в виду известное романтическое эссе «Потерянный и возвращенный мир»).

«Всю свою биографию я делю на два периода: маленький, несущественный — это до встречи с Выготским, и большой и существенный — после встречи с

ним» [20, с. 270]. Он родился 16 июля 1902 г. в Казани. Его родители были врачами, Р.А. Лурия был известный гастронолог, создатель Института усовершенствования врачей, Е.В. Лурия была постоянно практикующим зубным врачом, что было редко для женщины в начале XX в. Кроме сына в семье Лурии была дочь Лидия, младше брата на 6 лет, которая стала психиатром.

А.Р. Лурия учился в гимназии с 7 лет до 1917 г., когда гимназия закрылась. В возрасте 16 лет в 1918 г. он поступает на юридический факультет, вскоре переименованный в факультет общественных наук, и заканчивает его в 1921 г. С конца 1921 г. он начал обучение на медицинском факультете и параллельно в педагогическом институте, которое было прервано в 1923 г. из-за переезда в Москву.

Студенческие годы прошли для него очень активно. Он много читает, проявляет интерес к учению З. Фрейда и организует психоаналитический кружок. Он пишет о кружке Фрейду и получает от него ответ и разрешение на публикацию перевода книги, делает на кружке доклад «К психоанализу костюма», что было одной из первых работ по семиотике в России. Задумав применить идеи И.П. Павлова об условном рефлексе в психологических исследованиях, Лурия поступает лаборантом в Казанский институт научной организации труда, где проводит с рабочими-литейщиками эксперименты по выяснению влияния речевой инструкции на время реакции. Для публикации результатов он решает организовать журнал «Проблемы психофизиологии труда», находит единомышленников и едет в Петербург к известному врачу-невропатологу и психиатру В.М. Бехтереву, чтобы пригласить его в число редакторов журнала. Поездка оказалась удачной.

Статьи А.Р. Лурии в журнале привлекли внимание профессора К.Н. Корнилова, который только что был назначен директором Института психологии в Москве. Он пригласил молодого перспективного работника к себе в Институт. Так в 1923 г. Лурия оказался в Москве и занял пост ученого секретаря Института.

К.Н. Корнилов поставил задачу построить психологию на материалистических основаниях. А.Р. Лурия продолжил изучение моторных реакций и разработал «сопряженную моторную методику» для «объективного психоанализа». Среди молодых сотрудников Александра Романовича в эти годы был и А.Н. Леонтьев, проявивший изобретательность в техническом оснащении прибора. Они изучали аффективные реакции у студентов во время сдачи сессии — эмоционально значимые слова, например, «провал», «двойка» вызывали фиксируемые прибором аффективные реакции. Этот прибор стал прообразом детектора лжи.

Успешный молодой исследователь едет в начале января 1924 г. в Петроград на II Всероссийский съезд по психоневрологии, и здесь произошло событие, изменившее его научную судьбу, — он встречает Л.С. Выготского. А.Р. Лурия слушает выступления

Выготского, подходит к нему, разговаривает, а потом обращается к Корнилову с предложением взять Выготского на работу в Институт.

Л.С. Выготского назначили в рабочую группу, состоявшую из Александра Романовича и А.Н. Леонтьева, которую они назвали «тройка». В 1924 г. Л.С. Выготский делает в Институте ряд докладов, среди которых «Сознание как проблема психологии поведения», и становится признанным лидером «тройки». Собираясь на квартире у Выготских, друзья предприняли критический обзор истории и современного состояния психологии. «Наша грандиозная идея заключалась в создании нового научного подхода к человеческим психическим процессам» [19, с. 27]. В основе этого подхода были выдвинутые Выготским положения о социальной природе психики человека.

Через два года к «тройке» присоединились еще пять человек: А.В. Запорожец, Л.С. Славина, Р.Е. Левина, Л.И. Божович и Н.Г. Морозова — студенты 2-го МГУ, члены организованного А.Р. Лурией кружка при его лаборатории в Академии коммунистического воспитания имени Н.К. Крупской. Они начали с изучения запоминания с помощью пиктограмм у разных групп детей — вторая работа по опосредованному запоминанию после работы А.Н. Леонтьева [10]. По мнению А.Р. Лурии, на этой практической работе был развит метод исследования культурно организованных процессов, экспериментально-генетический метод и, что не менее важно, сформированы «пять первоклассных психологов» [20, с. 272].

Итоги работы по генетической линии исследований были подведены в книге Выготского и Лурии «Этюды по истории поведения. Обезьяна. Примитив. Ребенок», законченной не позднее лета 1929 г. Наиболее сложной здесь оказалась глава Лурии о ребенке, где он описывает данные и других авторов, и их группы о развитии познавательных функций. В этой главе Александру Романовичу не удалось четко противопоставить мнения Жана Пиаже и группы Выготского об эгоцентрической речи: он поочередно пишет то с позиции Пиаже, то с позиции Выготского. Эта непоследовательность обсуждалась Выготским, Лурией и Леонтьевым. Противоречивость собственной концепции (а не только изложения Александра Романовича) была осознана Л.С. Выготским. Упомянув в письме к А.Н. Леонтьеву 23.07.29 непоследовательность Лурии, Выготский пишет: «Это не личная вина А.Р., а целой “эпохи” нашей мысли...» [3, с. 14]. В соответствии с их общим замыслом Лурия должен был выделить в поведении ребенка «раздвоение линии его развития на натурально-психологическое и культурно-психологическое развитие» [5, с. 20], но очень скоро Выготский пересмотрит это разделение. Основания для пересмотра были обнаружены как в генетической, так и во второй — патологической — линии исследований Выготского и Лурии.

В Клинике нервных болезней А.Р. Лурия начал работать в середине 20-х гг., чтобы найти материал для анализа распада поведения у больных с невроза-

ми с помощью сопряженной моторной методики. К нему в 1926 г. присоединяется Выготский, чтобы выявить роль речи (знака) в поведении человека. Ученые совместно проводят исследования афазии и опыты с обучением ходьбе паркинсоников.

9-го октября 1930 г. в Клинике нервных болезней Выготский делает программный доклад «О психологических системах». Здесь он выдвигает мысль, которую «несколько лет вынашивал, но боялся высказать», а именно: «... в процессе развития, и в частности исторического развития поведения, изменяются не столько функции, как мы это раньше изучали (это была наша ошибка), не столько их структура, сколько изменяются и модифицируются отношения, связи функций между собой, возникают новые группировки, которые были неизвестны на предыдущей ступени ... Возникновение таких новых подвижных отношений, в которые ставятся функции друг к другу, мы будем называть психологической системой» [1, с. 110]. Выготский формулирует теоретическое ядро нейропсихологии: принципы социального генеза, системного и динамического строения высших психических функций (ВПФ), и ставит перед своими единомышленниками задачу изучения «психологических систем и их судеб».

Какую свою ошибку упомянул Выготский в докладе? Он считает ошибкой, приведшей их в тупик, прежнее понимание превращения низших психических функций в высшие. Так, про восприятие говорили, что здесь идет процесс «вращения» приемов, «другие исследования показали с полной ясностью: дальнейшее развитие восприятия заключается в том, что оно вступает в сложный синтез с другими функциями, в частности, речевой» [там же, с. 113]. Выступая с позиций системного понимания ВПФ, Выготский пишет в 1930 г. в «Орудии и знаке»: «Высшие психические функции не надстраиваются, как второй этаж, над элементарными процессами, но представляют собой новые психологические системы, включающие в себя сложное сплетение элементарных функций, которые, будучи включены в новую

систему, сами начинают действовать по новым законам» ([2, с. 58]; см. также запись в декабре 1932 г., опубликованную в [7]). К сожалению, многие современные авторы, излагающие взгляды Выготского и Лурии, не замечают теоретического сдвига 1930 года и впадают в противоречия.

О том, как интенсивно шла научная работа единомышленников Выготского, свидетельствует сохранившийся в архиве Лурии документ, написанный его рукой (Ахутина, Радковская, в печати). Это составленный А.Р. Лурией в 1931 г. перечень докладов и сообщений членов кружка Выготского (см. таблицу).

Итак, за год 16 докладов и сообщений (подробнее об этом документе см.: [6]). А в это время над группой собираются тучи, и само ее существование находится под вопросом. Закончивших Академию студентов распределяют на работу в разные города Советского Союза. В Институте психологии и даже в клиниках обстановка ухудшается. Над теоретическим направлением Выготского нависает угроза политической «чистки». Письма 1930–1931 гг. Выготского Лурии и Леонтьеву полны обсуждений ожидаемой «дискуссии». В августе 1931 г. Выготский пишет А.Н. Леонтьеву: «Итоги года более чем плачевны, перспективы следующего — более чем туманны. Картину скрашивают необычайные, неожиданные, счастливейшие успехи А.Р. [Лурия], который сделал больше, чем мы все за весь год» ([3], подчеркивание Выготского).

Такой успех принесли А.Р. Лурии его экспедиции в Среднюю Азию летом 1931 и 1932 гг. Правда, эти же экспедиции стали дополнительной причиной для гонений. Говоря о значимости результатов экспедиций, Л.С. Выготский пишет в письме к Лурии от 17.8.1932 г.: «...экспериментально доказано (на фактическом материале — более богатом, чем в любом этнопсихологическом исследовании, и более чистом и верном, чем Levy-Bruhl филогенетическое наличие пласта комплексного мышления и зависимостей от него иной структуры всех основных систем психики, всех главнейших видов деятельности — и в перспек-

Таблица

Доклады по инструментальной психологии

Докладчик	Дата	Тема
Л.С. Выготский	9.X. 1930	О психологических системах
— " —	21.X.1930	Проблема эмоций
— " —	Июнь 1930	Восприятие и культурное развитие
— " —	3.VI. 1930	Язык и мышление у примитива
— " —	4.VI. 1930	Тезисы о психотехнике и тестах
— " —	19.XI. 1930	Проблема формы и содержания в психологии
— " —	7. III. 1931	Об исследованиях в направлении психологических систем
— " —	29.XII. 1930	К психологии шизофрении и проблема исследования понятий
Биренбаум	19.XI. 30	О забывании намерений
Божович	Июнь 1930	Психология подражания у ребенка
Запорожец	9. XI. 30	Психологический анализ рисунка
Каулина	29.X. 30	Психологическая зарядка и форма в процессе запоминания
Левина	3.V.1930	Исследование планирующей речи у ребенка
Леонтьев	Июнь 1930	Сообщение к проблеме мышления
Морозова	— " —	Психологический анализ реакции выбора
Шеин	4.VI. 30	Психологическое к проблеме тестов

тиве — самого сознания» [3, с. 36]. Эти результаты на Родине были опубликованы только в 1974 г.

После второй экспедиции в 1932 г. в Институте психологии начала работать контрольная комиссия. «Меня обвинили во всех смертных грехах, вплоть до расизма, и мне пришлось уйти из Института психологии» — эти слова отца приводит Е.А. Лурия [24, с. 96]. В этой ситуации стало актуальным приглашение тройки (а также Л.И. Божович, А.В. Запорожца и М.С. Лебединского) на работу в Харьков в Украинский психоневрологический институт, присланное в конце 1930 г. Переговоры вел Выготский. В его семье, по воспоминаниям Г.Л. Выгодской, обсуждался переезд в Харьков, которого маленькая Гита очень боялась, поскольку слышала разговоры взрослых о страшном голоде на Украине. Выготский, отвечавший за всю свою семью (мать, жену, дочерей, сестер), ехать в Харьков не мог. Руководителем вновь создаваемого отдела назначили А.Р. Лурию, но идейным вдохновителем был Выготский. Это видно из воспоминаний Т.О. Гиневской, жены А.В. Запорожца [24, с. 69], и сохранившегося в архиве Лурии документа — записи заседания отдела, состоявшегося в Харькове в 1932 г., где с планом работы выступил Л.С. Выготский. Развивая идеи доклада 1930 г., он в качестве основной проблемы выдвигает «проблему психологических систем = совместной работы отдельных функций». Он предлагает изучать «образование понятий (проблема изменения слова при афазии)» и «вне-речевые функции». Первая тема разрабатывалась А.Р. Лурией, А.В. Запорожцем и другими харьковчанами [26; 27], а разработка частей второй предлагалась Л.И. Божович (апраксии), П.Я. Гальперину (иллюзии) и другим. 27 ноября 1932 г. Лурия делает доклад на одной из регулярных научных конференций Психоневрологической академии «К вопросу о психологическом исследовании распада речевых функций». В докладе он говорит о необходимости разделения «фазических» нарушений (внешней речи) и «семических» нарушений (нарушений значения), указывает на два пути исследования «семических» нарушений и представляет результаты исследования больного «как иллюстрацию значения семического распада при довольно полном сохранении фазической речи». В заключительном слове после ответов на вопросы Лурия вслед за Выготским говорит о расхождении в генезе фазической и семической сторон речи [Советская психоневрология. 1933, с. 161—162 — автор благодарит за указание на эту публикацию Антона Ясницкого, см. также его статью о Харьковской школе — 26]. В этом же номере журнала было опубликовано сообщение П.Я. Гальперина и Р.А. Голубевой «Механизм парафазии комплексного типа» [1933, № 6, с. 91—93].

А.Р. Лурия с декабря 1931 г. по март 1934 г. жил на два дома (за исключением лета 1932 г., когда он был в Средней Азии). Из письма Л.П. Липчиной, будущей жены А.Р., от 9.07.1933 видно, что он ежемесячно проводил 20 дней в Харькове и 10 дней в Москве, в июле договорился о соотношении 15—15.

Вместе с Выготским они возобновили изучение медицины, поступив в Харьковский медицинский институт. Представление о буднях в Харькове дает его письмо Л.П. Липчиной от 26 июня 1933 г.: «Я кончаю расправляться с моими афазиками, стараюсь убедить почтенных старичков, что брат отца — совсем другое, чем отец брата, что «черный» это вовсе не «менее темный»... и т. д. Сейчас наплыв дико интересного материала: агнозии и аграфии, послеродовые психозы с афазиями... мы захлебываемся в редчайшем материале. Я весь увяз в медицине: сижу с Выготским над патофизиологией, и конечно, вспоминаю Вас» (цит. по: [24, с. 80—81]).

Внешние проблемы группы вызвали проблемы внутренние. А.Н. Леонтьев 5 февраля 1932 г. пишет письмо Л.С. Выготскому, которое обозначает теоретические и личные разногласия внутри «тройки» [11, с. 231—235]. А.Н. Леонтьев считает, что «система идей в опасности», что курс А.Р. Лурии на экспансию идей ведет к их размыванию. Он обвиняет Лурию в непонимании того, что культурная психология — «система и философская», в утилитарном ее использовании, в «неверном отношении к пятерке», проявившемся в антрепренерстве, и считает, что «с А.Р. вдвоем мне нельзя» [11, с. 233 и 235, выделения Леонтьева]. А.Н. Леонтьев полагает, что в центр внимания нужно поставить «задачу философского осмысливания» основных понятий Культурной психологии. В 1976 г. А.Н. Леонтьев, диктуя А.А. Леонтьеву свою автобиографию, про ситуацию в Харькове сказал: «Конфронтация двух линий на будущее. Моя линия: возвращение к исходным тезисам и разработка их в новом направлении. Исследование практического действия... Линия Выготского: аффективные тенденции, эмоции, чувства» [9, с. 375—376]. Суммируя работы Выготского по исследованию понятий, А.Н. Леонтьев говорит: «30-е годы — ступени развития обобщений. Доклад о проблеме сознания — вершина (1932) (конец). «Генеральная схема»: замыкание всей психологии на значение. Полезна афазия, шизофрения, тезисы о локализации (нейропсихология) и др. [9, с. 374]. Итак, А.Н. Леонтьев начинает развивать самостоятельно исходные идеи Выготского [реакция Выготского на позицию А.Н. Леонтьева отразилась в его записной книжке 1932 г., — см.: 4; 8].

А.Р. Лурия в развитии идей Выготского пошел другим путем. Переходя к дальнейшему изложению, нельзя не сказать, какую большую роль сыграла Лана Пименовна Липчина в судьбе Лурии. Она была его второй женой, они прожили вместе 44 года и умерли с разницей в полгода. Со своей первой женой Верой Николаевной Благовидовой он познакомился еще в Казанском университете в 1920 г., после его переезда в Москву в 1923 г. Вера присоединяется к нему, они женятся, она поступает в студию Камерного театра Таирова. В 1929 г. она признается Александру Романовичу, что полюбила другого человека, и они разводятся, Александр Романович переезжает жить к отцу. В начале мая 1933 г. он случайно встречается с Ланой, с которой познакомился летом 1930 г. на

Теберде (Кавказ). «Их встреча была редкой удачей», — пишет Лена Лурия, дочка Александра Романовича и Ланы Пименовны: «В то время после разгрома среднеазиатских экспедиций он переживал тяжелый душевный кризис. Он вынужден был прекратить интереснейшие исследования в старом направлении и большую часть времени работал в Харькове. Мама помогла папе выстоять в эти тяжелые годы и пережить другие трудные времена» [24, с. 78]. В выдержках из писем 33-го года, опубликованных дочерью, читаем: «... Я встал рано перед рассветом, чтоб написать тебе эти строки. Ты возвращаешь мне жизнь, Лана!

...Знаешь — я раньше вставал каждое утро с каким-то тяжелым грузом. Сейчас уже с первых минут меня захватывает волна бодрости, радости, свежести...

...Сейчас я после целого дня работы. За сегодняшний день написал почти целый печатный лист — этого со мной уже давно не бывало! — и, кажется, написал хорошо...» [письма от 10, 11 и 12 июля 1933 г., цит. по: 24, с. 82].

В ночь на 11 июня 1934 г. от туберкулеза легких умер Л.С. Выготский. Группа Выготского осиротела. А.Р. Лурия работает в Институте экспериментальной медицины, куда в 1934 г. пригласили Выготского и его группу. С октября 1933 г. он работает в Медико-генетическом институте, где налаживает психологическое исследование близнецов, еще он продолжает изучать медицину, теперь уже в Москве. В июле 1936 г. вышло печально известное постановление ЦК ВКП(б) «О педологических извращениях в системе наркомпросов», за ним последовала череда погромных статей, где громили генетиков, психологов. В декабре 1936 г. Лурия увольняется и из ВИЭМа и из МГИ и становится очным студентом медицинского института. Это спасло ему жизнь. 37-й год не менее страшен, ширится волна арестов, она захватывает и семью Лурии: в ноябре вслед за мужем арестовывают сестру Александра Романовича Лидию Романовну.

Сразу после окончания медицинского института в 1937 г. А.Р. Лурия обращается к директору Института нейрохирургии Н.Н. Бурденко с просьбой взять его на работу ординатором — так Лурия продолжает дело, начатое в Харькове. Он был практикующим неврологом и в свободное время вел собственные исследования. Это позволило ему разработать систему методов диагностики нарушений ВПФ при локальных поражениях мозга. Как вспоминал позднее Александр Романович, два года в Институте нейрохирургии были наиболее плодотворными в его жизни [19, с. 122].

Чем же отличаются методы нейропсихологической диагностики А.Р. Лурии? Он исходил из положения Л.С. Выготского о системном строении ВПФ, о том, что каждая ВПФ есть функциональная система, состоящая из нескольких звеньев, каждое из которых вносит свой специфический вклад в работу системы и опирается на работу определенного участка мозга. Для него было важно, что при нарушении любого звена функциональной системы страдает вся функциональная система в целом, но каждый

раз специфично в зависимости от того, какое звено пострадало. Таким образом, система диагностики должна включать приемы, позволяющие оценить все звенья той или другой функциональной системы. Описывая период работы с 1937 г. по 1941 г., А.Р. Лурия отмечает, что клиническая работа заставила его пересмотреть основной стиль исследований. От обычного пути: выделение проблемы, построение гипотезы, выбор метода проверки этой гипотезы, анализ фактов, подтверждающих или опровергающих гипотезу, — ему пришлось перейти к другой логике. В клинической работе путь иной: «отправной точкой является не четко сформулированная проблема, а неведомый комплекс проблем — сам больной. Клинический исследователь начинает с тщательного наблюдения больного, он не имеет права игнорировать какие-либо данные, даже те, которые с первого взгляда кажутся незначительными, впоследствии все они могут оказаться существенными. На каком-то этапе исследования начинают вырисовываться туманные контуры первой гипотезы решения этой проблемы. Однако пока еще трудно сказать, являются ли отобранные им факты существенными для решения проблемы. Только после того как он собрал достаточное количество сходных симптомов, образующих вместе единый «синдром», он получает право считать, что его гипотеза относительно зоны поражения мозга доказана (или отвергнута)» [19, с. 123].

Из этого описания логики клинического исследования виден «синдромный подход» в нейропсихологии, разработанный А.Р. Лурией. За предвоенные годы он собрал огромный фактический материал по анализу трех форм афазии: сенсорной, моторной и семантической. Огромные папки хранятся в его архиве. На материале по сенсорной афазии он написал первый том из задуманного трехтомника, который лег в основу докторской диссертации по медицине, защищенной в 1944 г. До этого в 1936 г. он защитил докторскую диссертацию по педагогике (психологии) о психологии аффектов, исследованных «сопряженной моторной методикой».

В 1937 г. защищает кандидатскую диссертацию по биологии Л.П. Липчина, а в декабре 1938 г. рождается Лена Лурия. Она тоже впоследствии стала биологом и написала на основании воспоминаний и документов прекрасную книгу о своем отце [24].

Война застает А.Р. сотрудником неврологической клиники Института экспериментальной медицины, которую возглавлял проф. Н.И. Проппер-Гращенко, разведчик в годы Гражданской войны, сотрудник Клиники нервных болезней, когда там работали Выготский и Лурия, руководитель, пригласивший Л.С. Выготского и его группу в ВИЭМ. Во время войны он руководил лечением больных с мозговыми поражениями. Больные получали первую помощь в прифронтовой полосе, потом их перевозили в его Институт, переименованный в Институт неврологии и превращенный в большой нейрохирургический госпиталь. Больных, нуждавшихся в дальнейшем лечении, перевозили в тыловые восстановительные госпитали. Организация одно-

го из таких госпиталей на Южном Урале в Кисегаче была поручена А.Р. Лурии. Отправной точкой для диагностики и разработки методов восстановления нарушенных функций стали довоенные исследования А.Р. Лурии. Под его руководством в Кисегаче работала группа из 30 человек. Среди психологов были Б.В. Зейгарник, А.В. Запорожец, С.Я. Рубинштейн, Э.С. Бейн, О.П. Кауфман.

Коллектив самоотверженно трудился. В первую зиму, как вспоминает Е.А. Лурия, было очень трудно с продуктами, потом они завели огород, собирали грибы. В госпиталь для родоновых ванн понадобился родон, и Л.П. Липчина едет за ним в Москву и везет ампулу с родоном за пазухой целую неделю. Она перенесла лучевую болезнь, благодаря сильному организму выздоровела, но онкология догнала ее в конце жизни.

На Урале Александр Романович проработал свыше трех лет. В конце 1944 г. он вернулся в Москву и стал работать и в Институте неврологии и в Институте нейрохирургии. Он готовит две книги, принесшие ему мировую известность. Первая — «Травматическая афазия» (1947), вторая — «Восстановление функций после военной травмы» (1948). Они были переведены на английский в 1963 и 1970 гг. В 1966 г. вышло первое издание «Высших корковых функций человека» на английском языке. Когда я была в Штатах три месяца в 1981–1982 гг. у всех нейропсихологов, которых я встречала, на рабочей полке среди самых используемых книг стояли или «Травматическая афазия», или «Высшие корковые функции», или обе книги.

Однако в Советском Союзе в конце 40-х гг. вновь настали трудные времена. В августе 1948 г. прошла сессия Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук (ВАСХНИЛ), летом 1950 г. — совместная сессия Академии наук и Академии медицинских наук, так называемая «Павловская сессия». Эти сессии стали трагическим событием для генетики, психологии, физиологии, неврологии и психиатрии. Психология стала персоной нон грата. Единственно правильным считалось учение И.П. Павлова в трактовке патофизиолога А.Г. Иванова-Смоленского. Н.Н. Трауготт, настоящая ученица И.П. Павлова, рассказывала нам, своим коллегам по преодолению нарушений речи, как проходило близкое по духу Павловской сессии мероприятие — пленум Общества психиатров и Общества физиологов. Ее воспоминания приведены и в книге Е.А. Лурии [24]. Все присутствующие ученые должны были каяться, а президиум из приближенных к Иванову-Смоленскому трех человек решал, достаточно ли они покаялись. Так, проф. Шмарьяна вызывали 3 раза, президиуму казалось, что он недостаточно покаялся в предыдущий раз. Каялся и Александр Романович, президиум вынес вердикт, что Лурия нанес ущерб развитию учения об афазии. После заседания Н.Н. и Александр Романович ходили взад-вперед по улице Грановского, а потом пошли домой к Александру Романовичу. Он был в депрессии, ожидал ареста и мучился, что причинил вред больным. Лана Пименовна го-

ворила: «Не верь, не верь — это темное время. Не верь!» — и сумела подбодрить мужа.

Павловская сессия сильно повлияла на научную судьбу Александра Романовича — в 1951 г. закрыли его лабораторию в Институте нейрохирургии. Александр Романович уходит работать в Институт дефектологии, созданный в 1920-е гг. при активном участии Л.С. Выготского. Здесь вместе с учениками, в число которых входили Е.Д. Хомская, В.И. Лубовский, О.С. Виноградова, он занимается изучением речевой регуляции действия у нормальных детей разного возраста и у детей с разными формами умственной отсталости. Он изучает формирование произвольного действия, его интериоризацию по Л.С. Выготскому, но должен был пользоваться павловскими терминами; так, речевая система именовалась «второй сигнальной системой».

С 1945 г. А.Р. Лурия работает в Московском университете на кафедре психологии философского факультета (заведующий кафедрой А.Н. Леонтьев). Он читает курс общей психологии, а с весны 1950 г. и курс нейропсихологии. Вот как вспоминает его курс О.С. Виноградова: «...мы ездили на лекции с демонстрацией больных в институт Бурденко. А.Р. производил совершенно потрясающее впечатление: красивый, обаятельный и прекрасно говорящий, он подчинял своему обаянию любую аудиторию... Павловская сессия, и в результате мы — психологи, узнаем, что науки психологии нет, что нет души, а есть одни условные рефлексy. По существу на лекционном курсе, который читал нам А.Р., это не отразилось. А.Р. прекрасно знал Павловское учение, и в его лекциях изменилась лексика, и красоты прямого психологического языка были заменены, но, тем не менее, знания, которые он нам давал, оставались на уровне настоящей науки» [цит. по: 24].

В январе 1953 г. после публикации в «Правде» прогремело «дело врачей-отравителей» (известные профессора были арестованы еще в 1951–1952 гг.). Оно носило явный антисемитский уклон, во всех медицинских и научных учреждениях начальство старалось избавиться от лиц с неподходящими фамилиями, в диссертациях вымарывались негодные имена. Е.Д. Хомской пришлось уйти из Института дефектологии. А.Р. Лурия в это время просил своих молодых сотрудников В.И. Лубовского, А.И. Мещерякова провожать его, чтобы не идти в одиночку и чтобы они могли сообщить семье об аресте.

В марте 1953 г. умер Сталин. Наступила череда оттепелей, более длинных, более коротких, а Александр Романович продолжал трудиться. Он преподает в МГУ, в 1959 г. возобновляет работу в Институте нейрохирургии. Нейропсихология вновь занимает главное место в его работе. Благодаря оттепели он снова мог поехать на конференции за границу, но всегда надо было спросить разрешения и получить согласие и местного партбюро, и высшего начальства. В июле 1957 г. он вместе с А.Н. Леонтьевым, возглавлявшим кафедру психологии, едет в Брюссель на Международный психологический конгресс. Там

он встречается знакомых по конгрессу 1929 г., где читал как свое сообщение, так и совместное с Выготским о функциях и судьбе эгоцентрической речи. Пользуясь своими знакомствами, и А.Р. Лурия и А.Н. Леонтьев ведут переговоры об издании книг Л.С. Выготского на английском и французском языках. Они уже добились и продолжают добиваться разрешений на печатание трудов Выготского на родине: в 1956 и 1960 гг. появляются его книги. Но прошло еще много лет, ушли из жизни и Лурия (август 1977), и Леонтьев (январь 1979), когда первый том собрания сочинений Выготского (неполного, с цезурами) в 1982 г. вышел из печати.

В 1962 г. выходит первое издание «Высших корковых функций человека», в нем, как и в последовавшем в 1969 г. втором расширенном издании, А.Р. Лурия излагает результаты нейропсихологических исследований познавательных функций, описывает основные синдромы нарушений при поражении коры мозга и методы диагностики. Параллельно он ставит более сложную задачу — разработку уровневого подхода, который отражал бы участие и коры, и подкорковых структур в организации функций. В своей научной автобиографии он пишет: «Наш прежний подход к изучению мозга мы можем охарактеризовать как «горизонтальный», т. е. направленный на изучение процессов, протекающих преимущественно на корковом уровне. Новая волна исследований (Лурия имеет в виду открытие роли ретикулярной формации в активации. — Т.А.) привлекла наше внимание к «вертикальным» связям между структурами мозга — глубинными и поверхностными. Нас заинтересовали прежде всего те процессы, с помощью которых мозг и вызывает и контролирует уровень собственной активации» [19, с. 151]. Этот подход был использован при изучении функций лобных долей, проведенном при активном участии Е.Д. Хомской. Концепция трех структурно-функциональных блоков мозга также выросла из этого подхода [17].

Дж. Брунер, высказывание которого было приведено в начале статьи, недаром говорил об особом отношении между Лурией и его пациентом, которое устанавливалось в ходе обследования. Наиболее полно отношение сотрудничества, взаимного уважения и симпатии отразилось в книге А.Р. Лурии «Потерянный и возвращенный мир» [16], соавтором которой является Лев Александрович Засецкий, больной с поражением мозга, записывавший свои ощущения и воспоминания в течение четверти века (в его тетрадях около трех тысяч страниц!). Я помню Льва Александровича, свои занятия с ним (я их записывала на магнитофон по просьбе А.Р.), помню, как светились любовью его глаза, когда он говорил о «профессоре». Помню, как он сражался со своим недугом, как настойчиво хотел понять предложения с описанием ситуаций, где оба участника могли меняться ролями: «Коля спас Веру», «Том ранен индейцем» или «Автобус перевозится машиной». Понимание каждого предложения (как и словосочетаний «брат отца» и «отец брата») было развернутым длительным поиском, больной на все лады повторял,

интонировал, перефразировал предложение (иногда меняя смысл на обратный). Он делал это для себя («Я снова борюсь»), для «профессора» и меня — для науки, он хотел, чтобы его жизнь имела смысл. Эту книгу, как и книгу о человеке с необыкновенной памятью, называют «романтические эссе». Об этих книгах Оливер Сакс во вступлении к одной из них писал: «... истинная уникальность этих историй заключается в их стиле, где строгое аналитическое описание сочетается с глубоким личным чувством эмпатии к тем, о ком он пишет... метод художественного изображения личности и научный анализ синдрома с успехом сплавлены воедино» [29, с. 11].

В семьдесят первом году Александра Романовича начало беспокоить сердце, он уже не мог быстро ходить, обгонять молодых на лестнице. У него было много планов, которые он спешил закончить. 8 августа 1972 г. Александр Романович писал Брунеру: «К сожалению (и совершенно неожиданно!), мне исполнилось семьдесят, и я едва могу надеяться на много лет активной работы. А я должен сделать многое: мой двухтомник «Нейропсихология памяти» уже готов и идет в печать. Я надеюсь, что он будет опубликован по-русски и по-английски, это итог работы последних 7—8 лет. Я работаю сейчас над следующей книгой «Основные проблемы нейролингвистики», которая будет возвращением к проблемам афазии на новой основе и пересмотром многих вещей, сделанных за последний период... И затем — в проекте последняя книга, совместная с Женей Хомской, которая явится новым анализом «лобных» синдромов. Если к этому добавишь книгу о Принципах Общей Психологии, которую мы должны сдать в печать вместе с Леонтьевым и которая готова на 2/3 (1 том), ты сможешь представить, что я должен иметь время, чтобы сделать все это» [цит. по: 24, с. 204].

Александр Романович спешит, поэтому он все раньше приходит в Институт нейрохирургии (по воспоминаниям Л.И. Московичюте, если раньше в 10 часов, то в последний год своей жизни — в половине девятого). У него жесткое расписание: каждый рабочий день с утра и до обеда в клинике — 3—4 раза в Институте нейрохирургии и один раз в Клинике нервных болезней в лаборатории по восстановительному обучению (через 45 лет он снова в этой Клинике). «Днем он приезжал домой пообедать и немного отдохнуть: умел заснуть на полчаса, и рабочий день продолжался». По вечерам лекции в университете: курс общей психологии и спецкурс по нейропсихологии. «Спать, как всегда, ложился рано, в десять часов, вставал в восемь утра. От работы он не отключался и ночью. Он говорил, что перед тем как заснуть, он задает себе вопрос, а утром часто просыпается с готовым решением» [цит. по: 24, с. 205].

Александр Романович написал несколько вариантов текста «Основных проблем нейролингвистики» и в 1974 г. пригласил известного, порекомендованного ему Романом Якобсоном лингвиста Игоря Мельчука и меня быть редакторами книги, чтобы помочь ему оформить окончательный вариант. Когда в

1975 г. книжка вышла, Александр Романович подарил ее мне с надписью: «Моему дорогому полужирному редактору с высочайшей оценкой всех трудов по преодолению препятствий». Слово «полужирный» попало в надпись неслучайно. В тексте Александра Романовича было много подчеркиваний. Я до этого редактировала сборники по психолингвистике с А.А. Леонтьевым, и там я была и научным, и техническим редактором. Но в случае с книгой Александра Романовича я была уверена, что будет особый технический редактор. Его не было, и все подчеркивания набрали жирным шрифтом... На страницы было страшно глядеть — чуть ли не на половине из них пестрели многочисленные выделения. Ручная работа наборщиков по исправлению ошибок стоила очень дорого, поэтому мне было поручено сделать для наборщиков минимальное число указаний для исправления, чтобы книга перестала быть пестрой. Так я стала полужирным редактором.

В 1975 г. Александр Романович решил написать еще одну книгу из жанра романтической науки — свою творческую автобиографию. Он писал варианты на русском и английском языках. Вариант на английском языке был издан Майклом Коулом в 1979 г.

под заголовком «The Making the Mind», вариант на русском «Этапы пройденного пути» вышел в 1982 г. под редакцией Е.Д. Хомской (научную биографию Лурии она опубликует в 1992 г.).

В июне 1977 г. А.Р. Лурия отослал рукопись для второго английского издания «Высших корковых функций». В начале июля 1977 г. заболела Л.П. Липчина, ее прооперировали и обнаружили рак с метастазами. От Александра Романовича диагноз скрыли, но поджидая врача в его кабинете, Александр Романович увидел историю болезни и прочитал диагноз. Это было вскоре после его дня рождения, когда ему исполнилось 75 лет. Лану Пименовну выписали, они вместе поехали в академический санаторий «Узкое». Там 14 августа в 7 часов вечера Александр Романович звонил из автомата кому-то из коллег, чтобы попросить найти лекарства для Ланы Пименовны. Ему стало плохо, он упал, прибежавший врач не смог возобновить работу сердца...

На письменном столе в их комнате в санатории осталась лежать раскрытой рукопись незаконченной статьи.

Александр Романович говорил: «Люди приходят и уходят, а их идеи и дела остаются».

Литература

1. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурии, М.Г. Ярошевского. М., 1982.

2. *Выготский Л.С.* Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. Научное наследие / Под ред. М. Г. Ярошевского. М., 1984.

3. *Выготский Л.С.* Письма к ученикам и соратникам // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2004. № 3.

4. *Выготский Л.С.* Записная книжка. Октябрь 1932 года (подгот. текста и коммент. Е.Ю. Завершневой, публ. Г.Л. Выгодской) // Новое литературное обозрение. 2007. № 3 (85).

5. *Выготский Л.С., Лурия А.Р.* Этюды по истории поведения. М., 1993.

6. «До Харькова и Харьков»: два документа из архива А.Р. Лурии. Комментарии Т.В. Ахутиной, примечания А. Ясницкого // Вопросы психологии. 2012, в печати.

7. *Завершнева Е.Ю.* К публикации заметок Л.С. Выготского // Методология и история психологии. 2007. Т. 2. Вып. 4.

8. *Завершнева Е.Ю.* «Путь к свободе» (К публикации материалов из семейного архива Л.С. Выготского) // Новое литературное обозрение. 2007. № 5 (85).

9. *Леонтьев А.А., Леонтьев Д.А., Соколова Е.Е.* Алексей Николаевич Леонтьев: деятельность, сознание, личность. М., 2005.

10. Леонтьев А.Н. Развитие памяти. Экспериментальное исследование высших психологических функций. М.; Л., 1931.

11. *Леонтьев А.Н.* Становление психологии деятельности: Ранние работы / Под ред. А.А. Леонтьева, Д.А. Леонтьева, Е.Е. Соколовой. М., 2003.

12. *Лурия А.Р.* К вопросу о психологическом исследовании распада речевых функций // Советская психоневрология. 1933. № 6.

13. *Лурия А.Р.* Травматическая афазия. Клиника, семиотика и восстановительная терапия. М., 1947.

14. *Лурия А.Р.* Развитие речи и формирование психологических процессов: В 2 т. Т. 1. М., 1959.

15. *Лурия А.Р.* Высшие корковые функции и их нарушение при локальных поражениях мозга. 2-е изд., испр. и доп. М., 1969.

16. *Лурия А.Р.* Потерянный и возвращенный мир (История одного ранения). М., 1971.

17. *Лурия А.Р.* Основы нейропсихологии. М., 1973.

18. *Лурия А.Р.* Об историческом развитии познавательных процессов. М., 1974.

19. *Лурия А.Р.* Этапы пройденного пути. Научная автобиография / Под ред. Е.Д. Хомской. М., 1982.

20. *Лурия А.Р.* Психологическое наследие: Избранные труды по общей психологии / Под ред. Ж.М. Глозман, Д.А. Леонтьева, Е.Г. Радковской. М., 2003.

21. *Лурия А.Р.* Лекции по общей психологии. СПб., 2004.

22. *Лурия А.Р., Миренова А.Н.* Исследование экспериментального развития восприятия методом дифференциального обучения однойцевых близнецов // Неврология и генетика. 1936.

23. *Лурия А.Р., Юдович Ф.Я.* Речь и развитие психических процессов у ребенка (Экспериментальное исследование). М., 1956.

24. *Лурия Е.А.* Мой отец А.Р. Лурия. М., 1994.

25. *Хомская Е.Д.* Александр Романович Лурия. Научная биография. М., 1992.

26. *Ясницкий А.* Очерк истории Харьковской школы психологии: период 1931—1936 гг. // Культурно-историческая психология. 2008. № 3.

27. *Ясницкий А.* Изоляционизм советской психологии? Неформальные личные связи ученых, международные посредники и «импорт» психологии // Вопросы психологии. 2012. № 1.

28. *Bruner J.S.* Preface / A.R. Luria and Contemporary Psychology: Festschrift celebrating the centennial of his birth / Ed. by T.V. Akhutina, J.M. Glzman, L.I. Moskovich, D. Robbins. N.Y., 2004.

29. *Luria A.R.* The man with a shattered world. Cambridge, Mass., 1987.

The Life of Alexander Luria

T.V. Akhutina

PhD in Psychology, professor, head of the Laboratory of Neuropsychology, Lomonosov Moscow State University; head of Laboratory of Learning Disabilities, Moscow State University of Psychology and Education

This brief biography of Alexander Luria outlines the main stages in his life and work. The text is based upon the following materials: Luria's well-known autobiography *A Dialogue with the Making of Mind* and his memoirs published in 2003; the book by Luria's daughter, Elena Luria, *My Father*; a book by Elena Khomskaya on Luria's scientific biography; several previously unpublished materials from Luria's archives; modern studies on the works of Vygotsky and Luria; and recollections by J. Bruner, O.S. Vinogradova, L.I. Moskvichute and the author, T.V. Akhutina-Ryabova, Luria's student.

Keywords: Luria, Vygotsky, cultural-historical psychology, neuropsychology, biography.

References

1. *Vygotskii L.S.* Sbranie sochinenii: V 6 t. T. 1. Voprosy teorii i istorii psihologii / Pod red. A.R. Lurii, M.G. Yaroshevskogo. M., 1982.
2. *Vygotskii L.S.* Sbranie sochinenii: V 6 t. T. 6. Nauchnoe nasledstvo / Pod red. M.G. Yaroshevskogo. M., 1984.
3. *Vygotskii L.S.* Pis'ma k uchenikam i soratnikam // Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 14. Psihologiya. 2004. № 3.
4. *Vygotskii L.S.* Zapisnaya knizhka. Oktyabr' 1932 goda (podgot. teksta i komment. E.Yu. Zavershnevoi, publ. G.L. Vygodskoi) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2007. № 3 (85).
5. *Vygotskii L.S., Luriya A.R.* Etyudy po istorii povedeniya. M., 1993.
6. "Do Har'kova i Har'kov": dva dokumenta iz arhiva A.R. Lurii. Kommentarii T.V. Ahutinoi, primechaniya A. Yasnickogo // Voprosy psihologii. 2012, v pechati.
7. *Zavershneva E.Yu.* K publikacii zametok L.S. Vygotskogo // Metodologiya i istoriya psihologii. 2007. T. 2. Vyp. 4.
8. *Zavershneva E.Yu.* "Put' k svobode" (K publikacii materialov iz semeinogo arhiva L.S. Vygotskogo) // Novoe literaturnoe obozrenie. 2007. № 5 (85).
9. *Leont'ev A.A., Leont'ev D.A., Sokolova E.E.* Aleksei Nikolaevich Leont'ev: deyatel'nost', soznanie, lichnost'. M., 2005.
10. *Leont'ev A.N.* Razvitie pamyati. Eksperimental'noe issledovanie vysshih psihologicheskikh funktsii. M.; L., 1931.
11. *Leont'ev A.N.* Stanovlenie psihologii deyatel'nosti: Rannie raboty / Pod red. A.A. Leont'eva, D.A. Leont'eva, E.E. Sokolovoi. M., 2003.
12. *Luriya A.R.* K voprosu o psihologicheskom issledovanii raspada rechevykh funktsii // Sovetskaya psihonevrologiya. 1933. № 6.
13. *Luriya A.R.* Travmaticheskaya afaziya. Klinika, semiotika i vosstanovitel'naya terapiya. M., 1947.
14. *Luriya A.R.* Razvitie rechi i formirovanie psihologicheskikh processov: V 2 t. T. 1. M., 1959.
15. *Luriya A.R.* Vysshie korkovyie funktsii i ih narushenie pri lokal'nykh porazheniyakh mozga. 2-e izd., ispr. i dop. M., 1969.
16. *Luriya A.R.* Poteryannyi i vozvrashennyi mir (Istoriya odnogo raneniya). M., 1971.
17. *Luriya A.R.* Osnovy neiropsihologii. M., 1973.
18. *Luriya A.R.* Ob istoricheskom razvitii poznavatel'nykh processov. M., 1974.
19. *Luriya A.R.* Etapy proidennogo puti. Nauchnaya avtobiografiya / Pod red. E.D. Homskoi. M., 1982.
20. *Luriya A.R.* Psihologicheskoe nasledie: Izbrannyye trudy po obshei psihologii / Pod red. Zh.M. Glozman, D.A. Leont'eva, E.G. Radkovskoi. M., 2003.
21. *Luriya A.R.* Lekcii po obshei psihologii. SPb., 2004.
22. *Luriya A.R., Mirenova A.N.* Issledovanie eksperimental'nogo razvitiya vospriyatiya metodom differentsial'nogo obucheniya odnoyatsyevykh bliznecov // Nevrologiya i genetika. 1936.
23. *Luriya A.R., Yudovich F.Ya.* Rech' i razvitie psihicheskikh processov u rebenka (Eksperimental'noe issledovanie). M., 1956.
24. *Luriya E.A.* Moi otec A.R. Luriya. M., 1994.
25. *Homskaya E.D.* Aleksandr Romanovich Luriya. Nauchnaya biografiya. M., 1992.
26. *Yasnickii A.* Ocherk istorii Har'kovskoi shkoly psihologii: period 1931–1936 gg. // Kul'turno-istoricheskaya psihologiya. 2008. № 3.
27. *Yasnickii A.* Izolyacionizm sovetskoi psihologii? Neformal'nye lichnye svyazi uchenykh, mezhdunarodnye posredniki i "import" psihologii // Voprosy psihologii. 2012. № 1.
28. *Bruner J.S.* Preface / A.R. Luria and Contemporary Psychology: Festschrift celebrating the centennial of his birth / Ed. by T.V. Akhutina, J.M. Glozman, L.I. Moskvich, D. Robbins. N.Y., 2004.
29. *Luria A.R.* The man with a shattered world. Cambridge, Mass., 1987.